

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ЭПОХИ ГОНЕНИЙ НА РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ В XX ВЕКЕ

Игумен Николай (Шишкин)

Феномен появления христианских мучеников и исповедников в России XX века: социально-исторический, богословско- философский и агиологический аспекты.

Феномен (от греч. φαίνόμενον – «являющееся», «явление») – термин, в общем смысле означающий явление, данное в чувственном созерцании. Итак, мы разобрались с определением слова «феномен» и, кстати, с его правильным произношением. Но, как мне кажется, лучше бы в нашей статье заменить слово «феномен» на слово «феноменология» – слово же это означает целую науку, которая изучает появление того или иного события, так или иначе определяющего то, что мы называем жизненным фактором.

В учебнике нравственного богословия, который раньше испол звался в третьем классе дореформенных духовных школ, есть та кой параграф – «Феноменология зла». Учебник этот написан ныне здравствующим великим богословом архимандритом Платоном (Игумновым). Будучи преподавателем нравственного богословия в течение многих лет, мог бы порекомендовать для прочтения и изучения данный параграф всем, кто интересуется вопросами происхождения зла как такового.

Далее, опираясь на святоотеческую письменность, можно без особого труда определить, что во всех степенях своего проявления зло – не что иное, как результат богоотступничества и отдельно взятой личности, и целого народа. То же самое прослеживается в Священной истории Ветхого Завета. К социально-историческим аспектам в плане появления мучеников и исповедников можно отнести всю историю Русской Церкви. В плане глобальном (а мы должны сопоставлять собственную историю с мировой) сюда же можно отнести и средневековую историю Болгарии, Сербии, Черногории, а в позапрошлом году Его Святейшество Патриарх Кирилл участвовал в прославлении двух миллионов армян, вырезанных турками.

Вообще, в настоящий момент истории, когда к именно Русскому Православию направлены чаяния людей, не поклонившихся сатане во всем мире, необходимо

исследовать и социально-политические мотивы в истории последних лет, которая, в свою очередь, свидетельствует, с одной стороны, о духовном всплеске христианства, а с другой – о появлении крайне чётких границ между светом и тьмою, «между Христом и Велиаром». Необходимо очень подробно, даже скрупулёзно остановиться на том, что происходит именно сейчас, для того, чтобы определить какими являлись предпосылки массового мученичества христиан в XX веке, ибо он, по мнению многих философов, начиная от Декарта и кончая Бубером, определяется «великим расцветом гуманизма».

Хочется задать вопрос: «А что, православным христианам совсем нет места на этом празднике жизни?» Сейчас Россия, по свидетельству одного из главных отцов нового порядка Генри Киссинджера, «идущая никому не ведомым путём», является, на наш взгляд, единственным общемировым защитником христианских ценностей. Она похожа на большой кованный сундук, в котором хранится драгоценная шкатулка, в которой, в свою очередь, хранится самый драгоценный бриллиант на свете – православное учение о Спасителе и спасении. Если разрушить государство, то будет доступ и к шкатулке, которая являет собой, как нетрудно догадаться, Церковь Русскую, сохранившую свое влияние и духовную жизнь именно кровью мучеников и исповедников XX века. Как известно, Господь приходит, «как тать в нощи»: и во времена Вавилонского плена, и в 1917 году.

По выражению известного философа И. Ильина, «большевики тогда подобрали власть как пьяную девку, валявшуюся на мостовой». Заметим, что многие, если не половина церковных иерархов и священников того времени, хотели демократии, республики, свержения государственного строя, а из большинства семинарий выходили самые отъявленные ненавистники как царской власти, так и Православия в целом. Народ был на 75% безграмотным, и появление люмпен-пролетариата и «передового крестьянства», то есть нищего и ленивого, было на руку мировому злу. Гражданская война велась вовсе не за господство России во всем мире, достаточно вспомнить, что причиной вступления России в военные действия была идея защиты сербского народа от прямого геноцида. Воюя на Западе, мы временно оставили и Кавказ, и Азию, не сумев защитить тех же армян. Когда общество обращается к ложным ценностям, то попадает в состояние хаоса, ибо сатана ничего созидать не может.

Он и его приспешники способны только к разрушению. В гордыне своей даже приближенные к Помазаннику Божию люди возымели моду открыто выступать против церковных канонів, что впоследствии привело к появлению обновленчества. Примерно такова была ситуация в те годы. В общем, начало XX века было временем национальной духовной катастрофы. И опять, как при монголо-татарском иге, при польско-литовском нашествии, как в годы нашествия Наполеона, страну спасла Святая Церковь, неразрывно связанная с ней симфоническими узами, и пролитие народной крови послужило искупляющим фактором для прекращения действия древнего зла, по инерции просуществовавшего еще некоторое время, для наших масштабов долгое. Впереди Церковь ждали сталинская и хрущевская репрессии и самая кровопролитная в мировой истории война.

Когда-то Святейший Патриарх Кирилл, тогда еще возглавлявший ОВЦС, встречался на Западе с одним из высокопоставленных натовских чинов. Это происходило в начале 90-х годов. Митрополит Кирилл задал этому генералу вопрос, может ли он себе представить, чтобы Сербия бомбили, если бы она была протестантской страной. Генерал, хорошо подумав, ответил: «Нет, представить себе такого не могу». Можно себя успокаивать словами святителя Иоанна Златоуста: «Горе Церкви, которую не гонят!», но пора бы научиться, как на уроках собственной истории, так и в исторической перспективе, рассматривать в первую очередь духовным взором то, что может произойти в результате как обмирщения Церкви, так и полного богоотступничества.

Богословско-философские причины, не побоюсь этого слова, открытия этой адовой бездны в нашей стране обусловлены, во-первых, петровским временем,

продолжившим церковный раскол, во-вторых, извечным поклонением аристократической верхушки «золотому тельцу», в-третьих, жуткой закабалённостью и несвободой крестьянства, бывшего безграмотным, в-четвертых, устройением самого образа мыслей на западный манер, так что слово «крестьянин», обозначавшее «христианин», даже стало неприличным для произношения.

Презирая все исконно православное, святоотеческое, если хотим – византийское, воспитанные на сумасбродных идеях Дидро, Руссо и Вольтера, а позднее Гегеля, Канта и других рационалистов от философии, образованные люди нашей Отчизны перестали воспринимать Русское Православие как основу государственного и гражданского устройства нашей всеобщей Ойкумены. Если мы проанализируем труды крупных русских церковных историков: Голубинского, Щапова, Костомарова, Знаменского и других, – то увидим, что единство знати и простого люда всегда существовало как целостный организм, позволявший жить духовно и созидать материальные блага. Всегда, когда эти два слоя общества начинали не понимать друг друга, следовало то, что мы называем словом «смута», что буквально означает: 1. Мятеж, на родные волнения (стар.). Крестьянские смуты. 2. Раздоры, ссоры, беспорядок. Стало быть, смутьян – это тот, кто призывает к гражданскому неповиновению и самому страшному – гражданской войне, что и расцвело пышным цветом в начале XX века. При этом идеи смутьянов в 100% случаев ласкали народный слух пожеланиями всеобщего блага. На деле ни философы, ни богословы нисколько не были готовы как к принятию власти, так и к управлению страной. В результате из века в век поднялась поросль безвольных гордецов, могущих только собираться в кружки и метать бомбы в градоначальников и царей.

Писатель Помяловский в воспоминаниях о своей семинарской жизни наглядно описывает нравы будущих пастырей. Засилие протестантских, католических образчиков богословия было все общим. Воспитывались, в обязательной программе изучая Святых Отцов, а по вечерам читая творения Игнатия Лойолы, Фомы Кемпийского, а то и Энгельса и Маркса. Революционер-террорист Савинков тоже оставил воспоминания о своих семинарских годах, и, чтобы понять духовно-нравственные причины революции, надо читать и изучать в том числе и это. Итак, врага нужно знать в лицо: так его легче победить. И если учиться только на исторических, богословских, философских литературных источниках, которые только и делают, что ласкают наш слух и ум, то получить настоящего комплексного образования, позволяющего адекватно воспринимать как феноменологию зла, так и феномен мученичества, не получится.

Именно сейчас от нас, как священников, так и мирян, требуется чёткое осознание того, что произошло не только в историческом, но и в богословско-философском плане, оттеняющем любую историческую перспективу и вскрывающем ее возможные последствия. Агиология – это наука, изучающая как самые моменты канонизации святых, так и месяцесловы, определяющие дни поминовения святых. Это ещё и термин, употребляемый для обозначения исследований, посвящённых богословским и историко-церковным аспектам святости. В отличие от агиографии, рассматривающей жития как памятники религиозной и литературной истории той эпохи, когда житие создавалось, агиология сосредотачивает своё внимание на самом святом, типе его святости и восприятии этого типа в различные эпохи.

К агиологическим обстоятельствам того времени и появления новомучеников и исповедников Российских в первую очередь отнесём то, что в России, как нигде, чтилась святость. Сама идея святости изначально была передана нам вместе с Православием. Даже в страшные годы террора и последующей революции из народа это было не вытравить. Да, можно проанализировать создание в Сремских Карловцах Зарубежной Церкви, но не принимать во внимание массового мученичества за Христа и Церковь в 20-30-е годы – значит буквально не видеть ничего дальше собственного носа. Почему так важен этот аспект? Ответ однозначен: это значит не видеть и прямых и безапелляционных агиологических причин массового героизма в годы Великой Отечественной войны.

Незнание истории Русской святости во все времена приводило и приводит светских историков к ложной оценке военных событий.

Ведь совсем не случайно Сталин после недельного шока в 1941 году обратился к «братьям и сёстрам» с тем, чтобы они вспомнили Невского и Кутузова. За агиологическими причинами истоков новомученичества и исповедничества скрывается генетическое стремление русского православного человека к страданию за Христа. Любимым чтением в России были Жития святых. Великие пастыри Христова стада последних времён: преподобные Серафим Саровский и Амвросий Оптинский, св. прав. Иоанн Кронштадтский – пророчествовали о будущей катастрофе. Но они же и предрекли, что Русь встанет на пути у антихриста. Самым главным, на наш взгляд, является то, чтобы опять не впасть в духовную яму «теплохладности» и полуобрядовости с извечной нашей ленью. Нужно просвещать народ примерами святости, стремиться к ней самим. Мы дожили до очень интересной даты: столетия со дня октябрьского переворота и, разумеется, столетия со дня начала крестного пути России, русского народа в двадцатом веке. С первых дней этого страшного периода нашей истории перед многими вставал вопрос: «А оставаться ли здесь вообще? Не лучше ли покинуть Россию? Устроиться за рубежом и не видеть всего этого ужаса?» А.А. Ахматова написала сразу после убийства своего мужа гениальные строки: «Мне голос был. Он звал утешно. Он говорил: «Иди сюда, оставь свой край глухой и грешный. Оставь Россию навсегда. Я кровь от рук твоих отмою. Из сердца выну черный стыд и новым именем покрою боль поражений и обид» ...

Но равнодушно и спокойно руками я замкнула слух, чтоб этой речью недостойной не осквернился скорбный дух». Итак, те, кому была дорога Россия с ее Православием, не оставили свою Родину и свою Церковь в трудный час, уже совершив тем самым настоящий подвиг, т.к. не оставлять кого-то в опасности из любви – это прямой христианский постулат. Сам феномен новомученичества и исповедничества за Христа в XX веке носил общенациональный характер: здесь были, без исключения, все сословия тогдашнего общества. Мы не можем сказать, какое из них приняло на себя удар первым; но об основной массе духовенства того времени можно сказать словами той же великой Ахматовой: «Нет, и не под чуждым небосводом, и не под защитой чуждых крыл, – я тогда была с своим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Это стало эпитафией к ее «Реквиему», и в нем, как нигде, с огромной силой описаны страдания тех, кто ждал невинных страдальцев на воле, когда те сидели в лагерях и страдали во сто крат больше. Таким образом, в то время как бы вся страна сидела в тюрьме, только одни на воле, а другие в лагере. И если бы этой невидимой «власть предержащими» духовной нити между теми и этими не было, то, соответственно, не было бы и нашего сегодняшнего церковного возрождения.

Кратко расскажу о двух свидетелях того времени, кто вынес на себе всю эту жуткую историческую тяжесть. Первый из них – архимандрит Иоанн Крестьянкин, который сидел в тюрьме, как он выражался, «недолго, всего пять лет», где он, по его же свидетельству, научился по-настоящему молиться. До тех пор, пока мне самому не пришлось совершать богослужение, заниматься пастырством, было совершенно непонятно, каким образом тюрьма может научить молиться. А вот сейчас, спустя 30 лет после первой встречи с отцом Иоанном, мне стал понятен грандиознейший, космический смысл слов Христа: «Претерпевый до конца – той спасен будет». Вторая из них – святая исповедница Ираида Тихова, покоящаяся своими мощами на кладбище в селе Котово Угличского района. Эта маленькая хрупкая женщина вытерпела столько, сколько трудно вытерпеть даже крепкому мужчине. И таких людей в России было и есть великое множество. В заключение можно сказать лишь одно: не помнить и не знать подвига русского народа, освятившего и освящающего донныне наши храмы и землю, – преступление. Посвящать же в это своих пасомых крайне необходимо на уровне пастырского долга. Если люди по той или иной причине оступились, нагрешили, может быть, даже попали в тюрьму, – пусть для них светит подвиг этих невинных страдальцев.

Пусть некоторым станет стыдно, а у некоторых уйдет обида из сердца с осознанием того, сколько претерпели невинно осужденные святой жизни люди нашей Церкви.